

У интервью, которое начинается словами: «Вы мне очень не нравитесь», - есть все шансы остаться без продолжения. Воеводина, несмотря на пассаж автогра «Здравствуйте», встретиться согласился: - Я сейчас так измотан, что меня можно брать голыми руками. - Так вы же не дадите. - А это как подойти. И давай на «ты». В тот день на прошлой неделе ведущий программы «Сегоднячко» Игорь Воеводин в прямом эфире обхамил двух зрителей. Сначала - женщину, сообщившую, что ее счетчик не переключается на ночной тариф, а платит по дневному - дорого. Воеводина: «Вы вообще думайте, прежде чем звонить на телевидение». Потом - инкогнито, вступившегося за безответных зрителей. Телецена - не из приятных. Воеводина запальчиво: «А что вам не нравится? Нет, вы скажите! Я вам не нравлюсь? А зачем смотрите? Переключите - и не смотрите!» Телевизор, оказывается, может испортить настроение.

- Да, так о чем мы? Об утреннем эфире. Я вот думал, его не смотрит никто. А мне вместе с тобой позвонили человек пятьдесят. Говорят: «Мужик, ты чего?» - Вот и я про то же. - Так вот. Я не собираюсь ни под кого подстраиваться. Если у меня сегодня плохое настроение, если я злой, я буду таким в эфире. Я не апостол Петр. Я не хочу быть добреньким, чтобы у зрителя поднялось настроение. - По-другому это можно назвать непрофессионализмом. - Может быть. Но, видишь ли, выйти в прямой эфир - это все равно что прыгнуть в бездну, когда ты не знаешь, парашют у тебя за спиной или рюкзак с консервами. Я ни разу не вел программу спокойным. После эфира - хоть пиджак выжимай. Только когда идут титры, ты принимаешь, парашют это все-таки был или консервы. - Так зачем все-таки ты обхамил тетеньку? - Звезда моя, начнем

ей норе и брызжут ненавистью, исподтишка могут плюнуть тебе в лицо: «А чтой-то ты так со мной разговариваешь? И выглядишь странно. Может, ты еврей?» Игра нечестная: ты беззащитен, ты в круге света, а эти зрители: какие они, кто? Когда я в студии и ни рожна не вижу - ни оператора, ни режиссера, я... слышу дыхание людей, которые на меня смотрят. Поверь мне. - Но это все не про того человека, что позвонил. Вполне интеллигентный голос. - Интеллигентный? Я сомневаюсь. Как ты думаешь, звезда моя, если бы он представился: «Я Иванов Иван Иванович из Москвы. Почему вы хамите?» - разговор пошел бы так же? Противники на дуэли сначала представлялись друг другу, и это был честный бой. Я не дерусь

Игорь ВОЕВОДИН:

Пусть ненавидят, лишь бы смотрели

Какой телевидение гадюшник, я тебе могу не объяснять: не хуже меня знаешь. Если тебя нет в кадре, с тобой не будут здороваться. Я через это прошел.

палками. Я сражаюсь на шпагах. - Ты вызываешь у людей ненависть. - Возможно, ты и права: можно сделать тысячу добрых дел и перечеркнуть все одной фразой. Но можно и так сказать: пусть ненавидят, лишь бы смотрели. - Когда появилось «Сегоднячко», вы все говорили, что эта программа - о маленьком человеке. Для такого человека поломка счетчика - событие. А вы делите все на проблемы и проблемки. - Да, но пока Мариванна с Сызранской, 7, рассказывает про свой счетчик, другой человек, у которого действительно серьезная проблема, не может к нам дозвониться. Знаешь, я не обязан чинить газовые колонки и чистить улички. Но я все же делаю это. Тебе прекрасно известно: одного звонка с телевидения достаточно, чтобы во всем районе включили газ или убрали снег. Но это не моя рабо-

кий бравый матрос, не прочитавший в жизни ни одной книги, кроме поваренной... - Правда? - Эту информацию я тебе не подтверждаю и не опровергну. Спроси у него сама. - Года два назад ты ушел с телевидения, сказав, что тебе оно больше неинтересно. - Я сказал, что устал. Моя совесть чиста: я ушел из «Времечка» до того, как «Времечко» стало империей. Потом работал на ТВ-6, где мне дали пинка под зад за пять минут до очередного эфира. Я понимал: ТВ-6 - это канал, где главное - клевый песняк. Но было обидно. Это была, если помнишь, программа «Частный случай». Вот там я действительно терзал зрителей, провоцировал их. Я работал исповедником. Говорил о человеческой боли, и мне звонили люди, пережившие эту боль. Я говорил им: «Не нравится - не смотрите. Но если уж смотрите, будьте добры...» Я, как Моисей, вел их по пустыне. Пророк не обязан говорить идущим за ним, почему он идет так, а не иначе. Ему просто верят. - Что маячило впереди? - Понимание. Для того чтобы тебя приняли, нужно выдержать полгода ненависти. Это закон телевидения. Как с женщинами. Сначала

они заявляют: «Чтобы я - и с Воеводиным?!» - а потом бросаются на шею. Что тут сказать? «Пожалуйста, могу веревку намылить». - Сколько нужно не быть в «ящике», чтобы тебя забыли? - Один день. Еще примерно год люди будут думать, что ты где-то работаешь, на другом канале. Потом забудут навсегда. Но если завтра я сбрую усы, бороду, постригусь налысо и выйду в эфир, даже те зрители, что меня ненавидели, будут говорить: «Вот тот-то был хорош, а это кто?» Они будут знать, что я Воеводин, но воспримут как другого человека. - А если бы ты ушел сейчас? - Еще несколько лет назад мне казалось, что, уйдя из «ящика», жизнь кончится. Сейчас я, наверное, готов к этому. Хотя, знаешь, был такой Франциск Ассизский, который молился: «Господи, даруй мне веру, но, если можно, не сейчас. Ну что нам стоит немного потерпеть?» Вот и у меня так же. - Так почему ты вернулся на телевидение? - Позвал Новоженев. Хотя в то время я чувствовал себя, как рыба, отбившая икру и лежащая на мелководье. - В «Сегоднячко» тебе интересно? - Было бы неинтересно, я бы не работал. Для меня ТВ - не деньги.

Свои деньги я зарабатываю в другом месте: зарплата в «Сегоднячко» не покрывает моих расходов. Но сейчас я могу сорваться, поехать в какую-нибудь дыру снимать фильм, и если оператор после эфира мне скажет: «Моя жена плакала», - это будет высшая награда. Ты видела в одном из наших последних эфиров сюжет про человека, у которого нет костей, одни хрящи, но он счастлив, потому что у него есть жена и скоро будет ребенок? И посмотри на этих людей за окном. Они ходят, у них дети, они отдыхают на Багамах, но они не-счастливы. Потому что у них, на Сызранской, 7, сломался счетчик. Воеводина смотрит в чашку с чаем. - Знаешь, у той же Мариванны, по поводу которой мы здесь с тобой сидим, было что-то посерьезнее счетчика. Просто об этом она не сказала. Ты думаешь, мне все по фигу? Нет. Но если бы я все эти колонки, счетчики и Сызранскую, 7, принимал близко к сердцу, я бы уже давно бегал по стенам психушки. Я хочу и умею говорить о душе, а мне предлагают чистить нужники. - Тебе все равно, что она и же с ней о тебе думают? - Мне не наплевать на

зрителей, но на то, что они обо мне думают, наплевать. Я в детстве был очень зависим от чужого мнения, а сейчас мне на 90 процентов все равно. Я достаточно одиноким себя ощущаю. Как приемник: принимаю-передаю. Я могу об этом поговорить с Новоженевым, потому что знаю: с ним то же самое происходит. Я ведь только после встречи с Львом Юрьевичем понял, что мне в этой жизни есть чему учиться.

- А раньше? - Раньше я думал, что восходы случаются лишь потому, что я соизволил проснуться. Я говорю тебе правду: врать я перестал в 33 года. Какой смысл врать, если тебе все равно никто не верит? Сейчас мне почти сорок лет, и я чувствую, что перехожу в другое состояние. На Востоке есть такая философия - о пяти состояниях человека. Пятое - высшее, это пророки. А я не знаю, перейду ли я из второго состояния в третье. - Тебе не кажется, что некоторой части людей твое телевидение не нужно?

Воеводина разводит руками: - Да девяносто восьми процентам не нужно. Но, скажи мне, пожалуйста, если бы Иисус пошел по стопам своего отца и стал плотником, это было бы хорошо? Нет, упаси тебя Господи думать, что я сравниваю себя с Христом. Но есть то, что я просто умею делать. Так на хрена ж мне Сызранская, 7? В первый день этого года Воеводина, - он рассказал мне это напоследок, - полетел. Планирующего на мотодельтаплане ведущего занесло в сторону Звенигород, где он благополучно приземлился на площадке - аккурат между церковью и винным магазином. Похмельный народ бухнулся Воевдину в ноги: «Отче наш». Воеводина осенил собравшихся знаменем, сказал что-то про «возмездие придет», потому что «аз есмь», и, прихватив бутылку рябины на коньяке, улетел в сторону Москвы. На следующий день по радио прошла дискуссия о явлении мессии звенигородскому народу.

Лариса ХАВКИНА.

Р. С. Обратили внимание, что интервью, начавшееся словами «Вы мне очень не нравитесь», закончилось совсем в другой тональности? Кто бы мог предполагать.

Р. Р. С. А Мариванну с Сызранской, 7, все равно жалко.

До «Сегоднячко» я довольно долго жил на Кипре. У меня были деньги, я прилетал сюда раз в неделю, записывал несколько выпусков своей программы и улетал. Но работать в записи - это все равно, что спать с резиновой бабой, которую жена, уезжая, припасла для тебя в шкафу.

с того, что я ей не хамил. В программе есть правила игры, и я с ней играл. А вот насчет того мужика - согласен. Знаешь, есть такие зрители, которые звонят, меняют голос, их никто не видит, они где-то там, в многомиллионном городе, затаились в сво-

та. И я тысячу раз говорил об этом в эфире. И потом. Ты знаешь, что половина из этих зрителей - «стучат»? Они позвонили в свой жэк, там им сказали: «Сделать ничего не можем», - а они им: «Телевидение на вас натравим».

Ко мне приходят журналисты из каких-то бульварных изданий и спрашивают, сколько баб я, извини за выражение, перетрахал и сколько водки могу выпить. «Три литра? И без закуски?» Я говорю: «А, может, мы про творчество?» Они (удивленно так): «А зачем?»

Ко мне приходят журналисты из каких-то бульварных изданий и спрашивают, сколько баб я, извини за выражение, перетрахал и сколько водки могу выпить. «Три литра? И без закуски?» Я говорю: «А, может, мы про творчество?» Они (удивленно так): «А зачем?»